

Л. С. Журавлева

УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК НАРОДНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

В собрании Смоленского государственного объединенного исторического и архитектурно-художественного музея-заповедника хранится уникальный лубяной короб, на котором выполнены рисунки, рассказывающие о поводах медведей — *сергачах*.

Короб украшен помимо изобразительных композиций орнаментом, состоящим из завитков и полос. Он снабжен металлическим с прорезями замком. На верхней стороне крышки роспись утрачена. Она, по всей видимости, представляла собой начальную сцену повествования. Роспись на внутренней стороне крышки — большая барка под парусом — сохранилась довольно хорошо (рис. 1).

На передней стенке короба имеются три самостоятельные композиции (клейма), представляющие разные сцены. В клейме под металлическим замком нарисованы две мужские фигуры у стола, под ними — довольно странные существа: полуптицы, полуживотные с длинными крючковатыми носами.

В следующем клейме передней стенки снова видны две фигуры мужчин: играющего на гусях и пляшущего. Между ними в условной манере несколькими извилистыми линиями изображено низкое деревце, а еще ниже — две собаки, которых легко узнать по характерному очертанию морд и по закрученным вверх хвостам.

Наиболее загадочна третья сцена все с теми же двумя персонажами. Внизу композиции по центру несколькими штриховыми линиями начерчен холмик. На столе находится непонятный предмет, которого мужчины касаются руками. Возможно, это сосуд, но форма его крайне необычна, к тому же сцена винопития изображена в первом клейме.

На задней стенке короба также ярусами расположены две сцены. В нижнем ярусе изображен идущий медведь с подчеркнуто выгнутой спиной. Его удерживают на толстой веревке или цепи двое мужчин, находящихся в правой части композиции. Перед медведем стоит человек, который держит в руках предмет, прорисованный извилистой полоской.

В верхнем ярусе изображены уже четыре мужские фигуры (две слева и две справа), обращенные друг к другу. Двое играют на свирелях, один — на рожке, а четвертый пляшет (рис. 2).

На внутренней стороне крышки изображена большая барка под парусом с двухцветным флагом. На обеих ее палубах видны четыре фигуры, веселящиеся под игру на гусях.

Важно отметить, что во всех рисунках художник стремился представить сцены как можно более реалистично, и если портретные черты отсутствуют, то внешний облик персонажей, детали костюма достаточно выразительны. Здесь четко выделяются два типа одежды. Первый — длинный красный кафтан петровского времени, зеленые порты, заправленные в сапожки с острыми носами и фигурными вырезами на голенище. Сапожки прорисованы контурной черной линией, внутреннее пространство оставлено светлым и лишь на отдельных участках закрашено красной краской.

Второй тип одежды: черный кафтан и низкая обувь, в которую заправлены шаровары. Общим для всех персонажей является довольно странный головной убор в виде приплюснутой шапочки.

Анализ большинства деталей рисунков склоняет нас к заключению, что здесь речь идет о поводырях медведей. Это занятие было известно с древних времен. Достаточно сказать, что немецкий путешественник XVII в. Адам Олеарий, описывая выступление скоморохов, заметил: «Подобные гнусные вещи распеваются кабацкими музыкантами на открытых улицах или же показываются молодежи и детям в кукольных театрах за деньги. Их плясуны — вожаки медведей — имеют при себе и таких комедиантов, которые, между прочим, при помощи кукол устраивают представления»¹.

Олеарий указывает на интересную деталь, в дальнейшем подтвержденную исследователями: вожаки медведей были одновременно и плясунами. Сочетание этих двух действий отражено и в рисунках на смоленском коробе. Здесь же мы видим изображение шлемовидных гуслей, а также духовых инструментов. И. Беляев в 1854 г. писал, что в выступлении скоморохов присутствует «много атрибутов, именно: гусли, гудки со смычками, сурны или волынки и вообще духовые инструменты — трубы, сопели; домры, бубны и, наконец, маски и платье скоморошеское»². Перечисленные музыкальные инструменты есть и на рисунках смоленского короба.

В грамоте в Белгород, где содержится текст первого царского указа 1648 г. об исправлении нравов и уничтожении суеверий³, имеется замечание, что скоморохи пляшут не только с медведями, но и с собаками. Отмечена и такая присущая скоморохам черта, как склонность к пьянству. Именно сцена винопития представлена в первом клейме короба.

Но в рисунках отсутствуют другие характерные детали скоморошских плясок: головной убор — островерхий колпак-турика, маски, ряженая коза, которая была неразлучной спутницей «поводельщика»-скомороха. Что касается ряженья, то в рисунках смоленского короба оно вообще не отражено.

Таким образом, на смоленских рисунках изображены и не ряженные, и не скоморохи, а сцены с вождением медведя и плясками. Поскольку на верхней стороне крышки рисунки не сохранились, мы не можем сказать, какой из трех элементов медвежьих игр здесь представлен: медвежья травля, медвежья комедия или медвежий бой. В сцене боя перед медведем вставал человек с рогатиной. Возможно, в клейме смоленского короба показана именно она: перед медведем тоже стоит мужчина и держит в руках предмет, похожий на рогатину.

Как известно, скоморохи исчезли в XVII в., но исследователи указывают, что отзвуки скоморошества встречались и в XIX в. Скоморохи как бы «переквалифицировались» в вожаков ученых медведей.

Подробно это занятие было описано известным русским этнографом Сергеем Максимовым. В 1854 г. в XI книге журнала «Библиотека для чтения» был опубликован его очерк «Сергач», где сообщалось, что «промысел или способ прокормления себя посредством потехи досужих и любопытных зрителей шуткою и пляскою ученых медведей не так давно был довольно распространен»⁴. К тому моменту, когда С. Максимов заинтересовался сергачами, этим «промыслом» занимались в основном крестьяне поволжских деревень, особенно татары Сергачского уезда Нижегородской губернии. Ранее он был распространен на западе России. Знаменитый Пане Кохану ловил зверя в лесах Полесья около Давидгородка. Затем медведя вели за 300 верст в имение Радзивилла Несвиж, а оттуда в местечко Сморгоны, находившееся возле тракта из Вильны

¹ *Олеарий Адам*. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с. 190. Цит. по изд.: *Савушкина Н. И.* Русский народный театр. М.: Наука, 1976, с. 125.

² Цит. по изд.: *Белкин А. А.* Русские скоморохи. М.: Наука, 1975, с. 11.

³ Там же, с. 93.

⁴ *Максимов С.* Избранное. М.: Сов. Россия, 1981, с. 52.

Рис. 1. Короб из собрания Смоленского государственного объединенного исторического и архитектурно-художественного музея-заповедника

в Минск. Выученных медведей продавали цыганам, которые выступали с ними на ярмарках и по деревням.

Удивляет изображение барки на внутренней крышке короба. Возможно, это символ вечно странствующих сергачей. С. Максимов писал: «Промысел этот — весь ради шатанья, и эти плясуны — бродяги настоящие (что и медведь в лесу), к тому же бродяги такие, которые и в народе не пользуются уважением, как шуты гороховые и скоморохи»⁵.

С. Максимов описывает внешность сергача: медведя вел «низенький мужичок в круглой изломанной шляпе с перехватом посередине, перевязанной ленточкой»⁶. Это описание головного убора помогает объяснить и рисунок на коробе.

Интересна еще одна деталь, которая, насколько нам известно, нигде более не встречается: на барке изображена женщина, сидящая на нижней палубе за столом слева. Как бы ни были примитивны очертания женской фигуры, ее нельзя спутать с другими персонажами.

Таким образом, росписи смоленского короба уникальны во многих отношениях. Во-первых, они нанесены на предмет, для которого характерны совершенно иные мотивы. Во-вторых, перед нами редкий, если не

⁵ Там же, с. 75.

⁶ Там же, с. 54.

Рис. 2. Рисунки на задней стенке короба

единственный памятник с изображением сергачей в народном искусстве.

Роспись смоленского короба имеет ряд художественных особенностей, которые также выделяют его среди подобных экспонатов. Здесь нет традиционных единорогов, птиц-сиринов, львов и других сказочных персонажей; лишь в растительном орнаменте можно найти общие с другими памятниками черты.

Отличительные особенности имеет не только композиционное построение (свободное), но и изображение каждого персонажа. Обычно на коробах фигуры рисовались статично, в застывших позах, в профиль, с лицами, повернутыми к зрителю в три четверти. На смоленском коробе, наоборот, лица нарисованы в профиль, фигуры развернуты к зрителю.

Все рисунки выполнены не в привычной жесткой графической манере, а прерывистой черной линией, которая местами (лицо) похожа на мазки, нанесенные свободно, без предварительной прорисовки. Поэтому текущая черная линия дает очень живописный рисунок. Светло-коричневый фон луба дополняет черный цвет.

Лица персонажей на смоленском коробе даны очень условно, с крупными носами и глазами-точками. Гораздо больше внимания художник уделил деталям одежды и общему силуэту. При всей условности рисунка танцующие и играющие на свирелях и гусях мужчины даны в движении, что подчеркивается легким наклоном их фигур вперед.

Барка под парусом нарисована в той же условной манере и помещена чуть влево, тем самым также подчеркнута ее движение вперед. Остается загадочным лишь предмет на столе в третьем клейме передней стенки короба. Нечто похожее имеется в рисунке на крышке сундука середины XVII в. с сюжетом из истории Эсфири в издании В. Г. Брюсовой⁷.

Смоленский короб можно датировать началом XIX в., когда скоморохов заменили сергачи и многие скоморошьи атрибуты исчезли. Короб происходит из знаменитой тенишевской коллекции «Русская старина». Думается, его выявил в свое время И. Ф. Барщевский — хранитель этой коллекции. Любопытно отметить, что в 1914 г. в Ростове Ярославском вышла его брошюра «Несколько слов из истории искусства скоморохов».

⁷ Брюсова В. Г. Русская живопись XVII в. М.: Искусство, 1984, табл. 7.